

Генерал армии А. П. БЕЛОБОРОДОВ и Александр БЕК на месте боев под Мамкой, 1966 г.

К 80-летию со дня рождения Александра БЕКА

ДЛИННОЕ, ДЛИННОЕ ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ

Редакционная полуторка отправлялась в 16-ю армию на волоколамское направление, и Александр Бек этому обрадовался. Ему повезло: от станции Железнодорожная, где на запасных путях ютился поезд-редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда», он засветло доберется до 78-й стрелковой дивизии. Это было после 16 ноября, в дни, когда немцы вновь начали наступление на Москву.

Одет военный корреспондент журнала «Знамя» А. Бек был невзначейки. Грубошерстная шинель на крючках, ботинки с обмотками, «сидор» за спиной, а в нем две пачки пшеничного концентрата, полбуханки хлеба, кусок сала, горсть рафинада, запасные блокноты и том немецкого теоретика Карла Клаузевица «О войне».

Бек не слишком-то молодцевато — скорее перевалился, чем перемахнул через борт полуторки, коротко махнул мне рукой в варежке и растаял в морозном тумане. О содержимом его вещмешка я знал потому, что рано утром проводил Александра Альфредовича к старшине, который по приказу бригадного комиссара выдал ему продукты по аттестату.

После того я несколько раз видел Бека в штабе и на позициях 78-й дивизии, он успел там обжиться, стать своим человеком.

Александр Бек с разрешения генерала Белобородова стал как бы его тенью («куда вы, туда и я...») и оставил нам волнующую хронограмму-стенограмму, начиная с 4 часов 35 минут утра 8 декабря и кончая глубокой ночью, когда в полку был получен приказ: с рассветом двигаться на Истру.

Сорок один год отделяет нас от этих событий, а мы не устаем удивляться тому, каким провидцем оказался автор. Он лежал, закрыв глаза, под солдатской шинелью на полу сырой, промозглой комнаты рядом со спящим генералом, прислушивался к близким выстрелам тяжелых орудий и размышлял: «И мне вдруг кажется, что я жадно читаю необыкновенно захватывающую книгу, читаю ее не на бумажных страницах, а в самой жизни, которая разворачивается передо мной, которая и есть самое необыкновенное, что было когда-нибудь на свете».

Почему же так художественно достоверны портреты генерала Белобородова, генерала Панфилова, комбата Момыш-Улы? Прежде всего потому, что писатель досконально изучал дело, занятие, профессию человека, с которым нас знакомил Бек не описал бы с такой пронзительной силой солдат и офицеров с Волоколамского шоссе, если бы сам не принял участия в боевых действиях, не шагнул бы под огнем ночным маршем с батальоном Романова.

Высокая нравственность писателя, полная духовная совместимость с героями, его органическая близость к этим людям были обусловлены всей предвоенной работой Александра Бека, замечательного летописца наших первых пятилеток. На стеклах его очков играли отсветы электросварки, сполохи мартеновских печей, доменные зарницы, блики слепящего чугуна. Крайне важно, что писатель сам явственно ощущал внутреннее

родство героев пятилеток и героев войны и откровенно его декларировал.

«Генерал говорит, я слушаю с волнением».

Казалось бы, мысли, высказанные им, не новы и, быть может, на бумаге выглядят давно известными, много раз прочитанными, но у него они накалены страстью, окрашены чем-то глубоко личным, идущим от самого сердца.

Я слушаю, и мне вдруг становится яснее, почему ни одно государство не выдержало бы ударов, которые пришлось на нашу долю.

Я слушаю Белобородова и вспоминаю других выдающихся людей нашей страны, которых мне довелось близко знать, и не о всех, к сожалению, я успел написать. Я вспоминаю семью доменщиков Коробовых, строителя Кузнецкого завода Бардина, конструктора советских авиамоторов Швецова — они все различны и все похожи.

И Белобородов похож на них.

Это люди-созидатели, каждый в своей профессии, и вместе с тем созидатели нашего общества, государственных деятелей Советской страны, подобных которым — по манере, поведению, характеру, духу — не знает история.

И, пожалуй, первый признак, по которому их узнаешь, тот, что от них ощущаешь исходит или даже брызжет радость напряженного творчества. Они живут в полную силу, во весь размах большого дарования.

И вместе с этим — воля! Часто почти невероятная, часто совершающая невозможное!

Герои его книг: и Курако, и «Тимофей — Открытое сердце», и Бережков — все это люди, щедро одаренные талантом, и автор не только рассказывает читателю о его становлении, о воспитании характера, иногда весьма сложного и противоречивого, но и ставит проблему ответственности таланта, потому что «талант — это обязанность» перед народом, живущим в наше неистовое, революционное время.

Литературный критик Михаил Кузнецов, автор предисловия к собранию сочинений А. Бека, вспоминал, как в конце 1944 года он, корреспондент армейской газеты, прибыл с редакционным заданием в дивизию и вскоре был вызван генералом.

— Скажите, — спросил генерал, — можно ли в типографии вашей газеты срочно издать вот это? Я бы эту книжку раздал всем офицерам своей дивизии.

Это была повесть «Волоколамское шоссе», напечатанная в сдвоенном номере журнала «Знамя».

Популярность «Волоколамского шоссе» не уменьшилась, а даже возросла в послевоенные годы, на ней воспитывались молодые революционные армии социалистических стран. «...Самой любимой книгой наших офицеров и солдат стало «Волоколамское шоссе» Александра Бека, — рассказывал С. С. Смирнову Рауль Кастро, — оно выдержало уже несколько изданий... Мы взяли эту книгу на вооружение, и каждый командир роты обязан иметь ее при себе вместе с уставом, изучать и читать вслух бойцам».

«Волоколамское шоссе» издано на 22 языках и выдержало 89 изданий — счастливая и редкостная судьба. Прав оказался Пальмиро Тольятти, который тридцать лет назад оставил нам свой отзыв: «Эта книга, стремительная и простая, — одно из самых больших произведений во всей литературе, порожденной недавней мировой войной».

Чем же привлекают читателей военные книги Александра Бека? По-видимому, тем, что автор рассказал о незаурядных, самобытных героях, об их таланте, и тем, что действуют они в критических обстоятельствах. И речь идет о людях, которые не только готовы к самопожертвованию, но и данной им властью оценивают поступки других и распоряжаются их жизнями. Потому и суровость сурового Белобородова, который утверждает: «На войне жалость в сторону. Будешь жалеть — и людей погубишь, и задачу не выполнишь»; и рассудительность вспыльчивого Момыш-Улы со скоропалительным решением расстрелять командира роты Засва, который растерялся в бою; и моральная дуэль генералов Панфилова и Звягина — все это относится к глубинной драматургии войны.

Предваряя «Волоколамское шоссе», Александр Бек писал: «В этой книге я всего лишь добросовестный и прилежный писец». Но только ли в добросовестности и прилежании здесь дело? Жесткая, не знающая послаблений и скидок проверка временем показала, что книгу написал прекрасный художник, тонкий психолог, который не напрасно в своем солдатском «сидоре» увез на фронт том Клаузевица «О войне».

Волоколамское шоссе начинается на северо-западе Москвы, у Тушина. В минувшие годы это шоссе, не слишком-то оживленное, можно даже сказать, заолуственное, водило знакомство лишь с маленькими городками, с поселками, с деревнями.

А сегодня о нем знают в разных уголках планеты. Волшебной силой правды — реальной и художественной — «Волоколамское шоссе» прорубилось сквозь плантации сахарного тростника на Кубе, протянулось через джунгли рвавшегося к свободной жизни Вьетнама, и я не удивлюсь, если услышу, что название этой книги звучит сегодня под тревожным небом Латинской Америки.